

Бойцы вспоминают минувшие дни

В разговоре за круглым столом нашей редакции принимают участие полный кавалер орденов Славы, командир минометного расчета 400-го полка 89-й Таманской дивизии Исаак Погосович Караханян, кавалер орденов «Красная Звезда» и «Отечественной войны» первой степени, боец 219-ой отдельной разведроты Таманской дивизии Амаяк Мнацаканович Микаелян, участник обороны Ленинграда, боец 8-го стрелкового полка 42-й армии Цолак Арташесович Аветисян, кавалер ордена «Красная Звезда», участница обороны Ленинграда, полевой хирург 42-й Армии Рузанна Левоновна Лалаян.

По-разному сложился боевой путь этих людей, но память о войне у них одна. Каждый из них видел свой священный долг, свою высшую цель в борьбе за свободу и независимость Родины, за ее будущее.

— Вот уже тридцать три весны прошло со Дня Победы. Что вы думаете о минувшей войне сейчас, сквозь призму трех с лишним десятилетий?

— Если доведется прожить еще столько, буду думать то же, что сейчас, что тогда, в 45-м: нет, ничего бессмысленнее и противоестественнее человеческой бойни, называемой войной. — первым вступает в разговор Цолак Арташесович Аветисян. — Моя боевая биография связана с обороной Ленинграда. Я был свидетелем страданий и беспримерного мужества жителей города на Неве. За 900 дней блокады Ленинграда было убито авиабомбами и артснарядями 16 тысяч 747 человек, погибло от голода 641 тысяча 803 человека, ранено — 33 тысячи 782 человека. Двадцать миллионов... Вы только вникните в это — двадцать миллионов советских людей отдали жизнь за Родину...

А как сосчитать, скольким людям принесла несчастье война — эта страшная, непоправимая катастрофа.

Рузанна Левоновна Лалаян была полевым хирургом на Ленинградском фронте. Она спасла сотни жизней, но и сотни смертельно раненых умирали на ее глазах. Здесь же, на Ленинградском фронте, погибла от вражеской бомбы и ее сестра, полевой хирург Софья Левоновна Лалаян. Погибла при исполнении своих служебных обязанностей — во время операции.

— Врач страдает, если не может помочь одному своему больному. На войне врач видел гибель сотен и сотен. Еще минуту назад это были здоровые, сильные люди. Они прошли бы до конца предначертанный им природой жизненный путь, они были бы счастливы и приносили другим счастье, они бы жили, если бы не массовое убийство, называемое войной. Наверное, нет участи тяжелее, чем участь врача на войне. От сознания собственной

беспомощности порою становилось так тяжело, что цепенели руки. Но на тебя с надеждой смотрели глаза раненых, и вновь пробуждалась вера в чудо, доходящая до отчаяния надежда спасти еще одну жизнь.

Война — это великое испытание веры в жизнь, это суровый экзамен на преданность своей Родине, своему народу. Экзамен, требующий высочайшего напряжения всех душевных сил человека. И еще — каждый из нас в те годы обнаружил в себе огромную способность на самопожертвование, на героический шаг, во имя своей Родины, своего народа.

— Какие эпизоды и события военных лет запомнились вам ярче всего?

— На такой вопрос ответить нелегко, — начал Амаяк Мнацаканович Микаелян. — Годы сливаются в единую и цельную картину беспримерного мужества наших солдат. Но, конечно, в память врезались и отдельные эпизоды и не всегда можно объяснить, почему именно они запомнились лучше.

Я был разведчиком, а разведка, как известно, всегда связана с риском. Случай, о котором я расскажу сейчас, не единственный в своем роде. Около трех месяцев 89-я Таманская дивизия оборонялась под городом Малгобегом. У неприятеля была очень сильная оборона и прорвать ее не удавалось. Попытки 219-ой отдельной разведроты достать «языка» были безуспешными.

В ноябре командир дивизии Арташес Василян лично пришел к нам в роту, поручив оперативно раздобыть данные о противнике. После трехдневного наблюдения мы организовали разведку — поиск, сумели проникнуть в тактическое глубинку неприятельского тыла. Ночью подошли к землянке, в которой были немецкие офицеры. Когда один из них вышел, рядовой Гайк Мартиросян, не медля, схватил его. Уход группы обеспечили рядовой Вардан Епископосян и я. Мы бросили в проход землянки противотанковую гранату и двинулись по следам нашей группы.

Или другой эпизод. В апреле 1945 года наша дивизия оборонялась на небольшом клочке земли у Франкфурта-на-Одере. Собрав последние силы, немцы перешли в наступление. В двух местах нам удалось прорвать первую линию обороны. Наша разведрота находилась на передовой линии. Плацдарм был маленький, позади — река, отступать некуда. Дивизии было приказано перейти в контрнаступление, и успех его зависел от разведгруппы. Мы отбросили врага с его позиций, восстановили траншеи, окопы, пулеметные точки. Пример героизма проявил в этом бою рядовой разведчик Константин Бабошкин. Среди бела дня под яростным огнем, пополз он к вражеским тран-

шеям и привел одного немецкого солдата. В феврале на этом плацдарме разведгруппа во главе с командиром разведроты Суреном Саркисяном ночью подошла к вражеской траншее, правая и левая подгруппы отрезали путь противника, а группа захвата проникла в траншею и схватила двоих немецких солдат. В этой операции участвовали рядовые разведчики, мои боевые товарищи Вагаршак Даниелян, Иван Медведев, Вачаган Мартиросян, Иван Хмельницкий и Шаваарш Айтян.

Когда сомневаются в надежности человека, обычно говорят: «В разведку с ним не пойдешь». Потому что именно в разведке проявляется сущность человека. С восхищением вспоминаю я своих боевых друзей, тех, с кем мы смело шли в стан врага.

— Это было в конце 1942 года. Таманская дивизия начала наступление. Немцы взорвали мост через Терек, и мы перешли реку, оставив артиллерию и транспорт. По приказу Верховного Главнокомандования наши войска день и ночь преследовали врага, не давая ему возможности обороняться. Так мы дошли до села Верхний Потти. Ночью часовые заметили, что вражеские огневые точки приближаются, а в пять утра немцы начали обстрел. Мы все-таки попали в окружение. Снег толстым саваном покрывал землю, и мы отчетливо видели приближающихся к нашему домику немецких автоматчиков. Когда они были на расстоянии 35 метров, мы открыли огонь. Враг отступил, но недалеко. Минут через десять показались неприятельские танки.

В такие критические минуты не думаешь ни о чем — одна только ненависть к врагу движет тобой. Уцелеть, погибнуть, но не сдаваться.

Рядом был сарай. Мы вбежали туда, накрылись сеном. Через минуту сарай начал гореть. А танки все приближались, и у нас были всего две противотанковые гранаты — одна у меня, другая — у Акопа Бабаяна. Я метнул свою гранату в неприятельский танк и подбил его. Вдруг заметил, что Асри Мартиросяна рядом нет. Акоп лежит раненый. Танки приближались. Я лег вблизи от Акопа и только тогда почувствовал, что ранен и сам. Мы лежали на ослепительно белом снегу, среди наших убитых товарищей. Немцы подошли совсем близко, и я уповал на то, чтобы они не услышали стон Акопа. Но бред умирающего товарища становился все громче. Я видел, как фашисты подошли к нему, облили бензином, подожгли. И тогда раздался взрыв гранаты, которая была спрятана на груди Акопа. От взрыва один из фашистов погиб. Потом гитлеровцы подошли ко мне. Сильный удар — сначала в голову, потом в ноги. «Сейчас будут стрелять, сей-

час будут стрелять. — пронеслось в сознании. Но, наверное, очень уж походил я на мертвеца — выстрелов не последовало. Я пролежал на снегу до вечера. Нельзя было шевельнуться — за снежным полем зорко следили вражеские пулеметы. Наступила ночь. Надо было действовать, но я не мог сосредоточиться и определить, в какую же сторону идти. Вдруг раздался залп «катюши». Снаряды летели в мою сторону. Теперь я знал, в каком направлении идти. Пересилив боль, я встал. Не успел сделать двух шагов, как поле осветилось ракетами. Раздался выстрел, я упал, раненый в ногу. Но умирать не хотелось. Я пополз, потом снова встал на ноги. Кажется, шел я бесконечно долго, и вдруг родное: «Стой! Кто идет?» Это были наши. Меня на подводе отравили в станицу Ковевская, где я пролежал 21 день. Наши войска уже были у Азова, когда я догнал своих боевых товарищей. Старшина Мовсес Абазян сказал мне, что моим родным уже послали «черную бумагу», думая, что я погиб...

— Исаак Погосович, что же вы не говорите, что сам Константин Симонов интересовался этим эпизодом? — спросила Рузанна Левоновна.

— Половина нашей роты погибла в том бою, но ни один врагу не сдался. Этот героический эпизод действительно заинтересовал Симонова.

— Говорят, что время всевластно, что оно залечивает самые глубокие раны. — с грустной усмешкой произнес Цолак Арташесович. — Неправда это. Мы вот вспоминаем войну, и все та же боль в наших сердцах. Мы не можем забыть войну — для этого она слишком жестока. Сколько лет уже прошло со дня Победы, а я по-прежнему просыпаюсь каждое утро с радостным сознанием мирного неба над нами. И, ложась спать, благословляю прошедший мирный день.

— Для людей, переживших войну, праздник Советской Армии — один из самых значительных, радостных.

Все мы были солдатами. Впрочем, в нас и сегодня живет солдат Великой Отечественной. — Рузанна Левоновна говорила, не сдерживая волнения, и нельзя было без восхищения смотреть на эту женщину, испытывавшую на себе всю тяжесть войны, отдавшую борьбу за Родину лучшие годы своей жизни. — Я женщина, я мать, я солдат, я врач. И как женщина, мать, солдат и врач, я хочу мира. Вечного мира — для детей, внуков и правнуков наших, для нашей страны, для всех народов мира...

С праздником всех вас, фронтовики! С праздником, наши сегодняшние славные стражи мира!

Дж. АМИРХАНЯН.